

АЛЕКСЕЙ БАРХАТОВ

АЛЕКСЕЙ БАРХАТОВ ★
ПРОПАВШИЙ
ПАТРОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Яна Паламарчук*

Бархатов, Алексей Александрович.
Б26 Пропавший патрон : [роман] / Алексей Бархатов. —
Москва : Издательство АСТ, 2018. — 288 с.
ISBN 978-5-17-110154-1

У лица, даже самого высокопоставленного, всегда есть тело. А у тела всегда есть страсти. Ну, например, к спорту и горам. Но и у гор есть свои страсти — это лавины.

Так, в силу чрезвычайных обстоятельств страна временно остается без президента. Срочно надо что-то делать! Может, выручит двойник?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110154-1

© А.А. Бархатов, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ...

Максимилиан Волошин

Глава 1

Маленькие, будто игрушечные, домики и ангары веселой ребячьей гурьбой провожали набиравший высоту самолет, до последнего шаловливо заглядывали в разрывы облаков, снова прятались и, наконец, навсегда терялись в белесой, бесконечной и бессмысленной, как реклама порошка «Тайд», пенной равнине.

Инне вдруг показалось, что и все прежнее, совершенное доселе в жизни, вот так же туманится, мельчает, теряет масштабность и перспективу, уходит под крыло самолета, становится абсолютно несоразмерным полету ее души. Через пару часов, когда лайнер вновь прорвет эту белоснежную крахмальную плену, когда снова покажется вышитая бисером дачных домиков земля, все окружающее станет как-то чище, свежее, благоуханнее.

Две недели назад ее срочно вызвали в главную редакцию, к самому Журдену. Такое было только однажды, после репортажа с Рублевки, когда вместе с

теперь уже бывшим начальником столичной ГИБДД Инна тормозила шикарные автомобили с незаконно установленными «маячками». Прижизненные саркофаги с наглухо затемненными от глаза людского и света божьего стеклами, пренебрежительно оттопыренными бамперами и будто с большого бодуна троящимися цифрами на номерах безлико притормаживали перед фараонами в погонах.

«Ш555еф», «Х777ер»... Настоящий джекпот для азартного гаишника. Цифры как пальцы — веером. Вариант русской рулетки — мотнул жезлом, а там то ли голова твоя в кустах, то ли в краге «зелени» полста. Анекдот про нового русского, заказывающего в номер второй два чая на «чисто» английском языке, это ведь не просто эпос, это гимн новой жизни — «ту ти ту ту». У них и из клаксона раздается нечто подобное. Кстати, недавно один из модных телеколлег, да что там, прямо скажем, коллега в теле, уперся, что его авторская программа должна выходить ровно в 22.22, видимо, желая присоединиться к перспективному хиту со своим эксклюзивным «ту ту ту ту». Не дали — на «ту-ту» ты еще тянешь, а дальше, извини, пока двойное зеро.

Картинка черных автомобилей, скопившихся в единую процессию на узкой Рублевке, с выглядывающими из-за приспущенных стекол пушкинскими персонажами («златая цепь на дубе том») при монтаже предельно естественно легла на скорбную мелодию Шопена. Этот дерзкий «сольник» для Инны Иволгиной чуть было не обернулся «Прощанием славянки» с телевидением.

Впрочем, Журден остался верен своему прозвищу. Десять минут журил, ворочая давно вышедшими из моды недемократическими бровями. Пять — ласково напоминал, что было бы за подобную вольность в старые недобрые времена.

И, наконец, еще пятнадцать — подмигнув, рассказывал знаменитый случай. Когда-то, дежуря «свежей головой» в «Московском комсомольце», он в пятый раз перечитывал первую полосу после очередной поздравительной телеграммы любвеобильного Леонида Ильича. Явление этих посланий вплоть до часу ночи, до «отбоя ТАСС» заставляло менять верстку, резать клише, сокращать материалы, переливать заголовки... А уж во время визитов, к примеру в Индию, журналисты уходили из редакций на утренней зорьке. При этом создавалось ощущение, что речь Индиры Ганди на русский переводили быстрее, чем спич родного генсека.

«И вот, уже во втором часу, смотрю на давно пропитавшую мой бедный мозг полосу, — дошел до широко известной кульминации Журден, — а там заголовков... «Возложение венков к Мавзолею». Венков, а не венков! Тогда ведь заголовки не на компьютере, в металле переливали. Одна буква! Одна! А во мне в то мгновение жизни осталось не больше, чем в постояльце сего гранитного сооружения! Потому как ответственность была! Сознание долга!»

Так, воздетым к челу указательным перстом, и была отпущена восояси Инна.

Существовала, правда, и другая версия прозвища шефа. Якобы пару десятков лет назад, накануне приезда в Советский Союз обожаемой им Мирей Матье, он вознамерился освоить французский и здоровался со всеми исключительно «бонжур!», непременно переводя последнее слово на русский — «жур — день». С певицей встретиться не удалось, и кличка, пожалуй, стала единственным следствием этого вокально-лингвистического увлечения. Хотя все это легенды, которыми полны останкинские курилки. Могло быть и проще. Был Жорой, повзрослел, продвинулся, Георгием так и не стал толком, но стал Денисовичем — вот вам уже и Жорден — Журден.

— На этот раз ноги тебя вынесли, — добродушно усмехнулся после визита к Журдену многоопытный режиссер Слава Варейкин. — Благодарим их, стройненьких. С такими ножками, да фигуркой, да личиком тебе не в новостях торчать, где даже стендап в полный рост редкость... А в каком-нибудь шоу-ток-овище небрежно топтать липкое вождение слюнявой аудитории. Вон Ханга для нового проекта опять соратницу подыскивает. Порекомендовать?

— Нет уж, уволь, «со-вратницей» не хочу, карьера пятой «хан-ги» меня как-то не очень греет! — в тон ему ответила Инна.

Формально все ограничилось, как и следовало ожидать, устным отеческим внушением, но задания с тех пор она получала, что называется, чисто конкретные — сгоняй только туда-то и принеси исключительно то-то. Впрочем, сладенькие предложения от

всевозможных именитых добродетелей поспособствовать карьере присутствовали регулярно, иногда даже выдавались некие авансы в виде недельной командировки в Лондон, например.

— Что желаете? Осетрину, бифштекс? — тележка стюардессы неслышно поравнялась с креслом Инны.

Обед в «Аэрофлоте» делит не день, а время полета, и потому может быть и крестьянским заутренником, и миссионерским ланчем, и пионерским полдником.

Надо бы разбудить прикорнувшего по соседству оператора Виталия. Представители этой профессии, как давно уже заметила Инна, предпочитают ограничивать взгляд на мир исключительно рабочим временем. То ли оберегают глаза от суетности и замкнутости, то ли масштаб без альтернативы окуляра скупен, то ли внутренний мир давно богаче внешнего, то ли просто профессиональное «дежавю»?

Если и задумываться над этим, то не сейчас. Надо откинуть столик, принять поднос и начать последовательно нарушать герметичную деликатность небесной пищи.

Глава 2

А Туманный Альбион был, пожалуй, единственным ясным пятном за последние полгода. И особенно приятным было это воспоминание здесь, в салоне авиалайнера, летевшего почти в ту же сторону...

Это ведь только натужный шлягерщик Кусманов может позволить себе на Гавайях или дачном лужке

в Серебряном бору потреблять исключительно «я-ясные дни», а «не я-ясные» оставлять как пустые бутылки бомжающей судьбе. Инна в отличие от него никогда не находилась в поиске очередного чиновного посредника в отношениях с провидением.

И тут на тебе — поездка на международную конференцию — галдящий Хитроу, впитавший полумрак столетий Тауэр, застегнутый на все витражные пуговицы чопорный Вестминстер, собор Святого Павла — вся иллюстрированная азбука школьного английского и ее пятизвездочный отель у «Виктории-стейшн», утренние газеты под дверь, трансляция теленовостей в ванную, халат, белый и пушистый, как мечта блондинки...

Былая династическая близость Британии и России будто сказалась и на ее высочествах телебашнях. Издали чудилось, что обе эти светские красавицы убрали тонкие шеи свои одинаково крупными, ярко блиставшими на солнце стразами Сваровски. На самом деле внутри, как и в родном Останкино, располагался уютный круглый зал, где лондонские коллеги и устроили прием собравшимся на конференцию журналистам.

Инна долго с бокалом водки с тоником (пожалуй, главное отличие банкета — в Москве пьют джин, а в Лондоне предлагают водку!) обходила окружность смотрового зала, проникаясь чудесными видами английской столицы. Благо на стекле чуть выше реальности были приклеены прозрачные контуры с описанием всех этих дальних достопримечательностей. Ув-

лекшись, она оказалась едва ли не последней, никак не зафиксировавшей свое место за столиками. Впрочем, знакомая с детства логика «опоздавшие садятся в президиум», как выяснилось, вполне актуальна и в церемониальной Европе. Сам президент ВВС, седой, морщинистый и стройный, как Вестминстер, поднялся и с грациозной любезностью пригласил ослепленную Лондоном российскую Иоланту за свой почетный столик.

Соседями оказались американец, немец, швед и голландец, наперебой пытавшиеся завладеть вниманием очаровательной россиянки. Делали они это крайне печальным для Инны образом — задавали вопросы о внутренней российской политике. Попробуйте-ка по-русски ответить на вопрос: «Почему не выбирают президентом Явлинского?» Получится либо долго и нудно, либо совсем коротко и очень по-русски. А тут приходилось пользоваться исключительно языком Кэрролла и Диккенса, активируя весь лексический стабфонд выпускника журфака МГУ, одобренный профессиональной деликатностью «а-ля Познер».

Между официальными мероприятиями удалось выкроить утро для полноценной экскурсии по Лондону на традиционном двухэтажном автобусе. С детских пор он был для Инны столь же экзотичным и значимым, как австралийский кенгуру или изваяния острова Пасхи.

Только-только забралась наверх, традиция проявила себя целиком — заморосил столь же знамени-

тый лондонский дождь. Зонт не спасал. Пришлось сбежать вниз в салон. Но — нет худа без добра — через две остановки Инна вдруг осталась вдвоем с гидом, худощавым симпатичным старичком. Сработали ненастье и то обстоятельство, что билет на экскурсию действителен в течение всего дня — входи, выходи, глазей, обрастай пакетами с марками магазинов, садись на следующий автобус...

Старичок привычно взял было в руку микрофон. Затем огляделся, поймал взгляд единственной пассажирки, улыбнулся. Инна подсела к гиду, познакомились. Дальнейший путь журналистка из далекой Москвы проделала в режиме личного такси. Сэр Герберт (это имя ему удивительно шло) вполголоса увлеченно и гордо рассказывал историю Лондона от кельтов до наших дней, а микрофон использовался лишь за тем, чтобы время от времени командовать темнокожей девушке-шоферу: «Молли, стоп! Молли, пожалуйста, дальше!» Так по Лондону, пожалуй, не ездил даже Абрамович!

А вообще-то по Лондону ездить нельзя, надо только ходить. Даже на каблуках. Даже через Темзу. И приятнее, и полезнее.

Ни метро, вагончики которого кажутся по сравнению с нашими такими подгулявшими тинейджерами, беззаботными недорослями, еще не вставшими на твердый жизненный путь и не набравшими нужные габариты, но уже бурно отметившими выпускной, ни городские автобусы, в смиренном хадже отвоевывающие метры у уличных пробок — расположения Инны не вызвали.

Да и что там ездить? Риджент-стрит, Оксфорд-стрит, Бонд-стрит, Пикадилли... Секрет один — не пытаться обойти Гайд-парк с неудобной стороны. Стоит только двинуться обратно на площадь Виктории справа — так обязательно дождь и соответствующий концентрат недоумения в породистых глазах джентльменов и выгуливаемых ими пинчеров — такая леди и пешком?!

Так получилось и в последний день. Нагрузившись прощальными сувенирами и по ходу убедившись, что абсолютно все представленные в витринах пышноголовые гвардейцы и лорды — исключительно выходцы из Китая, вдруг обнаружила, что вовсе не оставила денег на возвращение в отель. Пришлось идти увешанной хоть и не тяжелыми, но достаточно пышными пакетами. Кажется, где-то здесь родилось это понятие для носителей рекламы — человек-бутерброд. Так вот Инна в тот день, наверное, являла собой более совершенный и яркий подвид человека-пиццы. Благо еще, несколько пакетов были украшены схемой города — не собьешься, если коленкой как боевой пилот планшетку, на ходу приподнимешь нужный.

Уже совсем недалеко было до контрольного перекрестка, когда в полусотне метров впереди остановилась кавалькада шикарных лимузинов. Ну, остановилась и остановилась. Инна, спустя два часа отчаянного пилигримства нашедшая самый энергосберегающий темп ходьбы, спокойно продолжала движение.

Пятнадцать метров... Церемонно распахнулись двери дворца-особняка. Десять метров... Вышли муж-

чины во фраках и расшитых мундирах с орденами, очень похожие на тех сувенирных, что трепыхались в тот момент в ее сумках, и дамы в сверкающих диадемах с высоко парящими близорукими взорами. Между ними и лимузинами, чьи дверцы уже чинно распахнули шоферы, — метров восемь. А механическидвигающейся Инне оставалось... ну, может быть, семь. Процессия приостановилась, чуть дольше положенного позагорала под неумными вспышками фотокамер. И едва только категорически не замеченная Инна прошла, церемония, как ни в чем не бывало, продолжилась.

Наутро она прочла в нырнувшей под дверь номера газете, что финиш ее марафонского забега совпал с финалом приема в честь очередного отпуска шефа гвардейского полка, кого-то из герцогов королевской крови. На приеме присутствовал весь высший свет британской столицы.

«Попробовал бы некий праздно-опакеченный турист в родной Москве пересечь млечный путь какого-нибудь заместителя мэра, главы фракции или даже префекта...» — подумалось тогда. Увы, наша демократия бережно подхватила именно то, от чего расточительная и чопорная монархия давно гуманно отказалась, подхватила и залпом освоила, как завистливый официант бокал элитного вина, недопитый ушедшим клиентом.

И даже там, в Лондоне, мысли снова вернулись к мигалкам на Рублевке, к последовавшему затем внушению от начальства.

Поэтому новый неожиданный зов в печально знакомый кабинет ну вот никак не ассоциировался со светлым будущим.

Наскоро совершив традиционный намаз, этакий покаянный вариант макияжа, она поднималась на начальственный этаж, и уже не торопясь, как на монтажном столе, проматывала в голове последние свои сюжеты, вышедшие, смонтированные и задуманные.

Останкинские просторы, напичканные всевозможной техникой, по преданиям, обладали способностью транслировать руководству самые сырые замыслы сотрудников. Можно, конечно, это объяснять и тем, что сырость вообще способствует проводимости. Но предания эти были старые, еще «догорбачевские», и потому явно грешили недооценкой человеческого фактора.

Некоторые из старейших весталок эфира, возможно, более посвященные в эффекты и телевидения, и телепатии, и телепортации, упорно твердили о привидениях, о неких фосфоресцирующих туманных дамах, на чьих могилах был якобы некогда заложен телецентр. Впрочем, отдельные привидения могли быть и значительно свежее — немалое число дам уже в новейшее время легло костями, чтобы как можно дольше задержаться в эфире. Разбуженные и пронизанные всевозможными силовыми полями души обретали подобие плоти и мстили обитателям монтажных, кабинетов и студий откровенным вмешательством в служебные интриги. Так или иначе,